

Аборигены Дальнего Востока. 1993 год — год коренных народов мира

Галина Александровна Отаина,
кандидат филологических наук, старший
научный сотрудник Института истории,
археологии и этнографии народов Даль-
него Востока ДВО РАН, Владивосток.

Статья посвящена социально-экономическому и культурному состоянию коренных малочисленных народов юга Дальнего Востока России в советский период. Исследуются этническая история XVII—XX вв., политические и экономические затруднения, возникшие в ходе отношений аборигенов с русским населением, а также последствия этнических процессов. Дается история создания этнической письменности у коренных жителей региона. Доказано, что в традиционном хозяйстве и материальной культуре остаются устойчивыми архаические черты, адаптированные к местным условиям существования. Поставлена проблема создания семейных, родовых и других форм традиционного хозяйствования на основе закрепления в законодательном порядке территорий традиционного природопользования. На основе обобщения эмпирического материала для сохранения традиций и менталитета дальневосточных этносов рекомендуется использовать мировой опыт по созданию резерваций и форм общественной взаимопомощи, а также акты законодательных программ, связанных с проблемами здравоохранения, землепользования, экологических стандартов.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, хронологическая периодизация, демографические процессы, социально-экономические и культурные преобразования, судьба родного языка, юг Дальнего Востока России.

Indigenous Peoples of the Far East.

1993 is the Year of the World's Indigenous Peoples.

Galina Otaina, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

The paper is dedicated to the socio-economic and cultural situation of the indigenous peoples of the South of the Russian Far East during the Soviet period. The paper examines the ethnic history from the eighteenth to the twentieth centuries, political and economic difficulties, which occurred in the relations of indigenous peoples with the Russian population, and the consequences of ethnic processes. The history of ethnic writing of indigenous peoples is analyzed. It is proved that in the traditional economy and material culture the archaic features

adapted to the local conditions of existence remain stable. The problem of creating families, clans, and other forms of traditional economy based on fixing the territories of traditional nature management in the legislation is raised. Summarizing the empirical material for preserving traditions and mentality of Far Eastern ethnic groups, it is recommended to use world experience in establishing reservations and forms of public mutual assistance as well as the acts of legislative programs related to health problems, land use, and ecological standards.

Keywords: indigenous peoples, chronological periodization, demographic processes, socio-economic and cultural transformations, fate of the native language, the South of the Russian Far East.

На исходе XX в., на исходе тысячелетие... На планете Земля человечество не стало единым социокультурным обществом. Оно делится на государства, развитые технически, развивающиеся или приближающиеся к ним. В каждом живут нации и народности, многочисленные или не очень. Или совсем крошечные. Более многочисленные и технизированные государства и народы считают себя вправе вершить судьбы других, менее многочисленных и менее технизированных: решают помогать (или не помогать) войти в индустриальную цивилизацию, а если помогать — то кому, в какой мере. Уверенные в своей непогрешимости, некоторые из них во имя выработанных ими же самими понятий «престижа» и «престижности» ещё совсем недавно были готовы к тому, чтобы вся земная цивилизация погибла в ядерной войне.

И в это же время, на фоне естественных и искусственных катаклизмов борются (или им позволяют бороться?) за место под солнцем разбросанные по разным континентам этносы, которые принято называть коренными, или аборигенами. Волею исторических судеб они задержались на той стадии развития, через которую когда-то прошло всё человечество. Это народы, которые не смогли (а может, и не старались: им это позволяли просторы родной земли) в последние полтора века преуспеть в технизации своей жизни. И вот теперь наступила расплата моральным унижением: они вынуждены принимать специальную помощь государств и правительств, которая позволяла им до сих пор сосуществовать с индустриальным обществом. Аборигенам американского континента, некоторым европейским, а также австралийским повезло: последовательная демократизация охраняет их от промышленной экспансии вопреки тому, что принято называть научно-техническим прогрессом.

На территории России таких северных народов насчитывалось 26, из которых 9 проживают на юге Дальнего Востока — в Приамурье, Приморье и на Сахалине: нанайцы, нивхи, ульчи, удэгейцы, негидальцы, ороки, орочи и отдельные группы эвенков и эвенов.

Российская история совершила экспериментальный трюк в 70 с лишним лет. Оценить этот исторический отрезок объективно с позиций сегодняшнего дня вряд ли кому удастся, но он дорого обошёлся народам

бывшего Союза: их «дружба» была настолько крепка, что они и сегодня продолжают убивать друг друга... А каково же приходится самым малочисленным этносам России?

Для ответа на этот вопрос надо оглянуться назад: трудно в настоящем, темно в будущем, но прошлое-то было! И это прошлое лучше известно, начиная с XVII в., известна и хронологическая периодизация: 1. 40—90-е гг. XVII в. (появление русских). 2. 90-е гг. XVII в. — середина XIX в. (западные районы региона — под эгидой русских, восточные по Нерчинскому договору — на неразграниченной территории, т.е. аборигены жили на своей земле). 3. Середина XIX в. — 1917 г. (восточные районы вошли в состав России).

Первые русские в XVII в. застали три типа этнохозяйственных районов: 1. Оседлые земледельцы и скотоводы (дауры, дючеры Амура, Зеи, Шилки, южная группа воцзи, варка, хурка Уссури, Сучана, Суйфуна, тунгусы Западного Приамурья). 2. Речные и приморские рыболовы: натки, ачаны, гольдики, самагиры, дючеры-рыболовы, гиляки низовьев Амура, население Уссури и морского побережья. 3. Охотники и оленеводы (транспортные): тунгусы горных районов северного Приамурья, удэгейцы, часть орочей горных районов Приморья, ульта Сахалина¹.

Все эти народы находились на разных стадиях разложения первобытно-общинного строя.

Земледельцы и скотоводы продвинулись к формированию феодальных отношений, у остальных шло формирование территориальных общин. В 1696 г. Петром I был издан «Наказ даурским и нерчинским воеводам». «Наказ» запрещал насильственное крещение, ввоз спиртных напитков, торговлю для собственного обогащения, закабаление местного населения. Положительное в управлении этими народами заключалось в том, что оно в значительной мере основывалось на нормах обычного права. Российское государство охраняло местное население во имя получения пушной валюты².

В 90-е гг. XVII в. — 60-е гг. XIX в. в расселении и составе народов произошли изменения. Из восточной Даурии ушли русские. На территорию Цинской империи были насильственно переселены дауры, маньчжуры, дючеры-нанайцы. В XVII в. отдельные группы их вернулись на свои земли, в то же время наблюдался выход северных тунгусов в Приамурье. Негидальцы сдвинулись на восток, ульчи впервые выделены как этническая группа³. К концу периода существовало два типа хозяйства: 1. Преимущественно присваивающий (нижний и средний Амур, континентальные районы и правобережье Амура); 2. Преимущественно производящий (южное Приморье, верховья Амура и места расселения русских)⁴. Восточные районы, куда по условиям Нерчинского договора 1689 г. Россия не проникала, испытывали воздействие Цинской империи: аборигены могли вести торговлю на рынках Маньчжурии, хотя она и регулировалась условиями сбора ясака.

Японский историк С. Сасаки утверждает, что народности ДВ двести лет были посредниками в торговле между Маньчжурией, Китаем и Японией⁵.

Середина XIX в. — 1917 г. В это время Россия вступила на путь капиталистического развития. Судьбы аборигенов Приамурья, Приморья и Сахалина теперь оказались тесно переплетены с русским населением. Основные изменения в расселении связаны с массовым притоком русских. В то же время на юге Приморья увеличилось китайско-корейское население, среди которого стали преобладать крестьяне и ремесленники. Род у аборигенов юга Дальнего Востока уже не играл прежней роли. Усилился процесс выделения малых семей, которые становились главной хозяйственной единицей. Родственные отношения стали заменяться территориальными, фактически действовала территориально-соседская община.

В производственной жизни народностей произошли большие изменения, ибо осваивались новые виды хозяйствования, развивались огородничество, земледелие, скотоводство, увеличивалась доля отхожих промыслов и ремёсел, изменились и орудия труда. В рыболовстве стали применяться сети и невода фабричного производства, появились капиталистические рыбопромышленные предприятия, наблюдается проникновение иностранного капитала. Японские рыбопромышленники, получившие доступ к российскому побережью по Портсмутскому договору и рыболовной конвенции 1907 г., в погоне за красной рыбой сгоняли тех же нивхов с их традиционных рыболовных мест. Этот промысел нивхов подорвался и в результате насильственного переселения их в 1904 г. с морского побережья и Амурского лимана. Рыболовство было втянуто в товарные отношения.

Охотничий промысел также претерпел изменения: наряду с традиционными орудиями труда стало широко применяться огнестрельное оружие. Товарную стоимость приобрели не только продукты охоты на пушного зверя, но частично и на мясную охоту. Даже продукты собирательства — женьшень, орехи, ягоды — стали товаром. Таким образом, в экономике народностей юга Дальнего Востока преобладающим становится производство товарной продукции.

Расширение видов хозяйственной деятельности и повышение результативности охоты и рыболовства вследствие совершенствования орудий труда, казалось, должно было улучшить жизнь коренных народностей. Однако рост числа переселенцев и потребности товарного производства неизбежно приводили к переэксплуатации природных ресурсов и к нарушению правил традиционного природопользования аборигенов южной части Дальнего Востока. Именно по этой причине в конце XIX в. среди коренного населения весной участились голод и эпидемии. В это время многие представители русской интеллигенции отмечали бедственное положение аборигенов. Так, Н. Новомбергский пишет о Сахалине: «Инородцы вымирают... рыболовные участки у них отняли тюрьмы, охоту на зверя подорвали переселенцы, при этом водка и эксплуатация на каждом шагу»⁶. Лучшие российские умы понимали пагубность столкновения аборигенов с цивилизацией и выступали в защиту их традиционного природопользования⁷.

Свои дальневосточные окраины Россия укрепляла не только с помощью крестьян-переселенцев, но и с помощью распространения просвещения вообще и среди коренного населения в частности. В это время в регионе

действовали два типа школ: церковно-приходские и миссионерские. К концу 90-х годов работало около 20 школ, в которых учились дети коренных народов⁸.

Управление коренными народностями в этот период также осуществлялось с соблюдением норм обычного права. К 1915 г. был разработан новый закон — «Положение об инородцах Приамурского края». Оно уравнивало всех инородцев в правах с сельским населением, но это новое «Положение» так и не успели испытать на практике: помешала революция.

«Декларация прав народов России» 1917 г. возвестила миру о равенстве всех народов, об отмене национальных и национально-религиозных привилегий, свободном развитии национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России. Эти же права провозгласила и конституция 1918 г. Однако малочисленные народности юга Дальнего Востока не могли в силу большого разрыва в историческом развитии (фактического культурно-экономического неравенства) воспользоваться провозглашёнными правами. Гражданская война ухудшила и без того бедственное положение аборигенов.

Мирная жизнь в этом регионе началась в 1922—1923 гг., а на Сахалине — в 1925 г. Молодое советское государство и правительство при осуществлении национальной политики осознали сложность положения народностей Севера (этот термин охватывает северные народы Сибири и ДВ). В 1924 г. постановлением президиума ВЦИК был создан при нём Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера) для «содействия планомерному устройению малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношениях»⁹.

В первую очередь нужны были уточнённые сведения о численности и расселении народностей Севера, их истории, культуре, быте и нуждах. И Комитет Севера проделал огромную работу. С 1925 г. были посланы экспедиции для изучения положения дел на местах. Благодаря этому уточнили перечень групп, причисляемых к «малым народностям Севера». К 1930 г. официально признавалось 27 народностей и этнографических групп, в том числе 26 сибирских, т.е. расположенных на Азиатском континенте. На Европейском Севере обитали только саами (лопари)¹⁰.

Комитет Севера выполнял и большую практическую работу на местах. В 1924 г. Дальревком утвердил «Временное положение об управлении туземных племён, проживающих на территории ДВ области». Согласно этому документу, органами национального самоуправления были советы и тузрики, они строились по родовому принципу. Однако род у народностей юга Дальнего Востока давно утратил главную роль в социальной жизни, поэтому советы здесь строились по национально-территориальному признаку. Советы и тузрики разъясняли самим народностям политику государства по отношению к ним и привлекали их к практической работе.

В 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли «Временное положение об управлении туземных народностей и племён северных окраин РСФСР». В нём говорилось: «В целях защиты прав и интересов трудящихся туземцев

северных окраин, а также в целях вовлечения в дело управления, наиболее полного и правильного проведения среди них законов Советского правительства, для поднятия их хозяйств и культурных условий жизни, организуются органы туземного управления среди народностей и племён северных окраин РСФСР, ведущих бродячий, кочевой и полукочевой образ жизни и занимающихся, главным образом, охотой, рыболовством и оленеводством, а также ведущих оседлый образ жизни и занимающихся морским звероловством, поскольку, однако, эти народности и племена не выделены в особые республики и области»¹¹ (это обстоятельство — отсутствие каких-либо форм автономии на юге ДВ — сыграло впоследствии свою отрицательную роль).

Первые шаги нового государства по преобразованию хозяйственной жизни носили практический характер: были приняты меры по земле- и водоустройству коренных народностей. Этими мерами действительно обеспечивалась охрана экономических интересов аборигенов. В результате народности получили немало отторгнутых у них до революции земель¹². Большую роль в это время сыграла торгово-кооперативная политика. В ассортименте снабжения исчезли спиртные напитки и появились продукты (мука, крупа, соль, сахар). «Твёрдые отпускные цены на привозные товары и такие же заготовительные на местную продукцию, в том числе и на пушнину» — такова была политика, исходившая из интересов населения¹³. Результативной для экономики оказалась интегральная кооперация. Такие смешанные кооперации отвечали местным условиям: комплексность хозяйства, распылённость населения и хозяйственный уклад народностей. Интеграция имела не только торгово-заготовительные функции, но и производственные и кредитные (между прочим, моя неграмотная мать без запинки произносила это трудное русское слово «интегралсоюз»). При этих интегральных кооперациях действовали различные промысловые артели, на Амуре они были в основном рыболовецкие. В низовьях Амура в 1927 г. насчитывалось 70 артелей¹⁴. У нанайцев возникли артели даже в огородничестве и лесозаготовках, появились также женские бригады по пошиву одежды и художественной вышивке.

Эти простейшие объединения позже, начиная с 1930 г., послужили ядром колхозов, в основном рыболовецких. К 1936 г. в Приамурье и на Охотском побережье (в той части, которая входила в Нижне-Амурскую область) имелось колхозов: 30 нанайских, 28 нивхских, 24 эвенских, 10 ульчских, 8 удэгейских, 3 орочских и 2 негидальских¹⁵. Дополнительно колхозы занимались сельским хозяйством. Хорошо развивалось овощеводство у нанайцев, ульчей, орочей, меньше — у нивхов, что в значительной мере объяснялось разницей природных географических условий.

Одновременно принимались меры по повышению культурного уровня. С 1926 г. по инициативе Комитета Севера разработкой алфавитов занимались учёные-североведы В.И. Цинциус, В.А. Аврорин, Г.М. Василевич, Е.П. Лебедева, Е.А. Крейнович, Е.Р. Шнейдер и др. Первые алфавиты для народностей Дальнего Востока были основаны на латинице. В 1928 г. в издательстве «Далькрайно» вышел Букварь с начальной Книгой для чтения

на нанайском языке, автор — Н.А. Липская-Вальронд¹⁶. В следующем году была написана Т.И. Петровой «Книга для чтения на нанайском языке». В 1932 г. изданы «Наша грамота» на нанайском (автор В.А. Аврорин), букварь на удэгейском (Е.Р. Шнейдер), азбука на нивхском (Е.А. Крейнович). С этого времени языком обучения становятся родные языки. Самые первые школы для детей народностей юга Дальнего Востока открылись ещё в 1923 г.: в с. Чарбах (нивхская), в Найхине — нанайская, в Булаве — ульчская. В 1926—1927 уч. г. количество национальных школ на Дальнем Востоке, включая и Северо-Восток, достигло 43¹⁷. Самое отрадное — тогда проводились беседы о традиционных занятиях родителей — рыболовстве, охоте, оленеводстве. В это же время, особенно в северных районах, стали открываться интернаты.

Кроме школ, устраивались курсы, где обучали так называемых ликвидаторов неграмотности. Так, в 1935 г. на Нижнем Амуре подготовлено 193 человека, они обучали грамоте взрослое население (моя мать говорила, что осталась неграмотной, потому что мой отец не пустил её в школу — учителем был мужчина! Сам-то он был грамотен, учился в школе ещё до революции).

В 1925 г. на рабфак Ленинградского университета поступила первая группа северян. В следующем году в Ленинградском институте живых восточных языков (ЛИЖВЯ) организовали рабфак для северян, куда поступили 24 человека, в том числе 5 нанайцев и 3 нивха¹⁸. Через год эту группу преобразовали в северный факультет, а в 1930 г. создан Институт народов Севера — ИНС, который стал кузницей кадров.

Педагогические кадры стали готовиться и на Дальнем Востоке. Так, в 1926 г. было открыто «туземное отделение» при Хабаровском педтехникуме, которое в следующем году преобразовалось в педтехникум народов Севера. Осенью 1927 г. туда поступило с Амура и Сахалина 27 человек: 11 нанайцев, 10 нивхов, 3 эвена, 2 ульча, 1 негидалец¹⁹. Позже техникум перевели в Николаевск-на-Амуре.

В 30-е гг. представители народностей Севера учились в 22 учебных заведениях, специальных или в отделениях при обычных. Причём кадры готовились не только по педагогике и медицине: ветеринары (Омск), специалисты по пушнине и сырью (Иркутск), рыбной промышленности (Тобольск), ветеринары для оленеводства (Тобольск), специалисты по геологоразведке (Владивосток), специалисты кооперативно-колхозного направления (Нарьян-Мар, Николаевск-на-Амуре)²⁰.

По теории о некапиталистическом пути развития народностей Севера считалось, что с конца 50-х гг. эти народности развивались в общем ряду с другими²¹. Факты однако свидетельствуют о том, что всё положительное для развития народностей Севера (и в хозяйственной, и в культурной жизни) в советском государстве закончилось к середине 30-х гг.: 1. К этому времени Комитет Севера был распущен; 2. В 1937 г. принято решение президиума ЦИК СССР о переводе письменности народностей Севера без соответствующей материальной подготовки на русскую основу. При этом три народности — нивхи, удэгейцы, ительмены — утратили письменность.

Лишь нивхи смогли сорок лет спустя по-настоящему восстановить школьное обучение родному языку; 3. Репрессии 1937—1938 гг. практически коснулись всех народностей, просто на сегодня нет точных данных по каждой из них. Благодаря деятельности журналиста А. Сутурина в районной газете «Ленинское знамя» в Николаевске-на-Амуре в 1990 и 1991 гг. опубликованы имена репрессированных и расстрелянных из Нижне-Амурской области. Среди них есть и аборигены. Так, в газете за 19 января 1991 г. помённо назван 71 человек и среди них три нивха²². Одному из них — Болагашко Василию — было предъявлено обвинение в антиколхозной агитации. Двоим — моему отцу Отаину и нивху по имени Лопатко — вообще не было предъявлено никаких обвинений. Тем не менее их арестовали и расстреляли. Единственной крамолой можно было объявить то, что они стали единоличниками-рыбаками, т.е. не вступили в колхоз. Впрочем, что касается моего отца, наверное, просто не докопались до того, что он, кроме родного и русского языка, ещё владел устной речью тунгусо-маньчжурских народностей и китайской. Мать вспоминала, что он даже японские слова пытался передать русскими буквами, чтобы лучше их запоминать. Это был бы великолепный повод для обвинения в шпионаже.

Есть основания, таким образом, считать, что со второй половины 30-х гг. народности юга Дальнего Востока фактически мало чем отличались от других этносов в советском государстве. Важным доказательством этого служит то обстоятельство, что в предвоенные годы молодёжь этих народностей стала призываться на службу в армию. Вчерашние «первобытные инородцы» наравне с другими этносами защищали свою страну в войне 1941—1945 гг., а также в войне с Японией. Очень многие из них не вернулись домой. Точных данных по всем народностям пока нет. Но можно судить по такому примеру: 32 хорских удэгейца и 78 коренных жителей сёл Красный Яр и Олон участвовали в войне с фашистами и на востоке. Не вернулся домой каждый третий из них²³. А ведь эта народность и сегодня насчитывает всего полторы тысячи человек.

Отдельные сведения на эту тему можно найти в разных публикациях. Так, например, известно, что при защите Москвы погибли 38 аборигенов Дальнего Востока²⁴, под Сталинградом — 23. Свыше 200 человек из аборигенов овладели снайперским искусством. Наиболее выдающихся результатов достигли нанайцы Максим Пассар, Алексей Самар, Захар Киле, звенки К. Батум и С. Номононов, удэгеец Т. Кялундзюга, орочка Рая Зенькова. Народности прославились на войне и как замечательные разведчики, на счету которых были десятки «языков». Наиболее выдающемуся из них, Александру Пассару, присвоили звание Героя Советского Союза. Переводчик пушкинских сказок на нивхский язык Алексей Тыхта на фронте командовал отделением разведчиков. Вместе со своим сородичем К. Кистаном и нанайцем А. Актанко много раз добывал ценные сведения и приводил «языков»²⁵. Разведчик нивх Н. Бирюков (Ниитын) почти два года сражался в глубоком тылу, в Скандинавии. Удэгеец Тимофей Кялундзюга, будучи в разведке, погиб в тылу врага. На эту смерть откликнулись все мужчины рода Кялундзюга.

В большинстве публикаций подчёркивается героизм народностей юга Дальнего Востока и патриотический труд оставшихся в тылу. Однако именно в военные годы заложены предпосылки будущего ухудшения жизни аборигенов. Весьма выразительно свидетельствует об этом уменьшение численности народностей Хабаровского края по данным переписи населения в 1939 и 1959 гг.²⁶

Правда, уменьшение численности объясняется процессом ассимиляции, что, разумеется, трудно отрицать. Однако следует помнить, что при смешанных браках в большинстве случаев национальная принадлежность детей указывалась в пользу аборигенного происхождения. Ведь родители хотели избавить своих метисных детей от насмешек, если они будут записаны славянами. А главное, важным фактором выступала материальная заинтересованность родителей: бесплатное обучение в интернатах, средних и высших учебных заведениях. Подлинная же причина снижения численности в эти годы заключалась в естественном снижении брачности в результате уменьшения числа мужчин из-за репрессий и участия в войне.

В первые послевоенные годы народности юга Дальнего Востока вместе со страной пережили все трудности этого периода. Спасаясь от голода 1946 г., мы с матерью пешком прошли по зимнему Амуру 100 км, везя на нартах моего маленького брата. Нас по нивхским обычаям приняли дальние родственники не по крови даже, а по родовым связям.

Дальневосточников, независимо от их происхождения, всегда спасала рыба. Все колхозы (и национальные в их числе) кормились рыболовством, оно поддерживало хозяйства до середины 60-х гг. К этому сроку запасы лососёвых оказались сильно подорваны. И чтобы «брать план», колхозы Нанайского и Ульчского районов вынуждены были выезжать в экспедиционный лов сначала в низовья Амура и Амурский лиман, а затем и в открытое море. Это требовало технического перевооружения, понадобились морские катера, изотермические кунгасы, рефрижераторы и сейнеры. Хозяйства, которые могли всё это приобрести, продолжали успешно выполнять Госплан, поэтому на какое-то время доходы колхозников даже увеличились. Однако именно с этого времени началось постепенное вытеснение аборигенов из рыболовецких колхозов, ибо они не имели соответствующей технической подготовки. Большую зарплату стали получать наёмные работники, чаще всего заезжие временщики. Их интересовали только заработки, а истощение рыбных запасов, положение местных народностей не волновало. Да и никого другого: госплан-то по рыбодобыче выполнялся!

Помимо рыбных ресурсов, нещадно эксплуатировались лесные. Только за одну пятилетку в местах проживания народностей, к примеру, открылось 12 леспромпхозов²⁷. Беда не в том, что леса вырубались, а в том, что они не возобновлялись. А главное, древесина уходила за границу как сырьё.

Весьма отрицательную роль в конечном итоге сыграло укрупнение колхозов и селение из малых деревень в крупные посёлки. На новых местах аборигены постепенно утрачивали свои бытовые традиции, получая взамен пьянство и алкоголизм. Селение способствовало урбанизации местного населения.

В годы войны фактически перестала функционировать национальная школа после перевода на русский язык как язык обучения. Сами народы не всегда осознавали свои потери, ибо старались быть как все: одеваться по-европейски, разговаривать по-русски, что называется, «мыли шею и красили губы», полагая, что цивилизовались. Утрате языков, кроме всего прочего, способствовала пропаганда тезиса об их скором отмирании.

Характер двуязычия у народностей региона также изменился. Если до войны было национально-русское двуязычие, т.е. овладевали русским на базе родного языка, то после — оно становится русско-национальным: дети приходят в школу, не зная родного (или почти не зная), и обучаются ему на базе русского. Это характерно для всех этносов.

Не удивительно, что в таких условиях двуязычие стало заменяться одноязычием, т.е. переходом на русский язык. Так, по переписи 1989 г. считали РОДНЫМ язык своего народа 23,3% нивхов, на Сахалине (по данным советско-японской экспедиции 1990 г.) — свыше 30%, 26,6% негидальцев, 24,4% удэгейцев 30,7% ульчей и 44% нанайцев.

Таким образом, к годам перестройки народности юга Дальнего Востока утратили этничность как целостную систему, оставались лишь отдельные фрагменты. Тем не менее перемены в общественно-политической жизни страны в значительной мере повлияли на рост этнического самосознания аборигенов.

Повсеместно возрастает интерес к своим этническим истокам, к языкам и фольклору, народной медицине и педагогике. Одним из ярких примеров повышения самосознания служит отказ сахалинских нивхов от интернатов, несмотря на финансовые и педагогические трудности. Жаль только, что отказ от интернатов смешивают с отказом от национальной школы. Осознание своих этнических интересов проявляется в упорной борьбе за закрепление территории приморскими удэгейцами, в стремлении нанайцев к созданию автономного округа. В самом деле, почему семь тысяч коряков имеют его, а нанайцы — нет, хотя их почти вдвое больше. На Сахалине нивхи и ороки вернулись в свои старые деревушки, откуда их когда-то сселили, как всегда, из благих побуждений. И там в муках пытаются восстанавливать своё комплексное хозяйствование. Нет, это не возврат к первобытности, ибо будут новые технологии переработки рыбы, морзверя, дикоросов.

Однако главное условие реализации возрождения этнических культур — стабилизация жизни в России.

Языковая ассимиляция — процесс естественный для малочисленных народностей, но он не обязательно приводит к полному исчезновению языка. Живучесть языков малочисленных народностей просто поразительна, если учесть, что материальная культура исчезла полностью, а различные аспекты духовной культуры сохранились лишь фрагментарно. Там, где всего 30% этноса владеет языком, — он не мёртв. И его можно если не возродить, то поддержать.

Успех обеспечен, если будут приняты меры по поддержке и расширению общественных функций аборигенных языков: радио и телепередачи,

газеты и художественная литература на родных языках, давно назрела необходимость в регионе журнала на родных языках.

Пропагандистский тезис об отсталости культур привёл к тому, что у определённой части аборигенного населения выработалось весьма низкое мнение о самих себе, своей этнической культуре, даже разговаривать на своём языке стали стесняться, боясь прослыть отсталыми. Этот стойкий нигилизм по отношению к своей культуре должен преодолеваться в течение длительного времени путём правдивого освещения истории дальневосточных этнических культур во всём богатстве взаимосвязей, в том числе и с зарубежными народностями. Народности юга Дальнего Востока не одиноки, в мире есть достаточно много этносов со сходной судьбой. Мировой опыт показывает, что резервации (которые в советском обществе всегда считались недопустимыми) спасли от исчезновения коренные народы американского континента.

Так, например, в Канаде инициаторами добычи полезных ископаемых являются частные фирмы, дорожащие престижем и прибылью, а не государство. Именно из деловых соображений фирмы не могут игнорировать законы и общественное мнение, защищающие коренное население. У инуитов и индейцев есть свои политические объединения: «Инуитское братство», «Ассамблея первых наций» и др. Без их участия невозможно осуществить крупные экономические акции на аборигенных территориях. В мире есть и впечатляющий пример Гренландии. В 1950 г. продолжительность жизни аборигенов была 32 года у мужчин и 37 лет у женщин. А всего через 30 лет, в 1970 г., цифры соответствовали 57 и 65 годам. Это стало возможным благодаря принятию законодательных программ, касавшихся проблем здравоохранения, землепользования, экологических стандартов, возможностей сохранения традиционного уклада и родных языков. «Международный опыт свидетельствует о том, что имидж „умирающего“ Севера НЕ ЯВЛЯЕТСЯ органическим следствием низкого культурного уровня, но результатом социального экономического колониализма, который северные народы должны преодолеть при помощи своей политической активности»²⁸.

Этнокультурное возрождение народностей невозможно без юридической защиты государства, необходим закон о статусе аборигенов. Причём подход должен быть дифференцированным, с учётом численности, компактности и других признаков. Так, для самых малочисленных этносов, насчитывающих менее тысячи человек (орочи, негидальцы, ороки), вероятно, наиболее подходящим может быть режим резервации. Для этносов, которые насчитывают менее пяти тысяч человек (ульчи, удэгейцы, нивхи) больше подходит статус национального района с местными органами самоуправления. Либо им можно разрешать хозяйственную деятельность в пределах национальных парков. Для относительно многочисленных нанайцев возможен свой автономный округ. При любых формах статуса необходимо законодательное закрепление этнических территорий за каждой народностью. Эти территории могут состоять, помимо поселений, из: а) хозяйственно-промысловых угодий, в том числе и водных; б) там, где это имеет место, из зоны промышленного освоения, промышленные предприятия

в этом случае будут отчислять средства в пользу органов самоуправления; в) из эталонной зоны природы с полным запрещением хозяйственной деятельности. На своих территориях народности возродят свои принципы природопользования. Частичная коммерциализация различной этнической продукции поможет восстановлению жизнеспособных элементов этнокультур. Признание Россией Международной конвенции о коренных и племенных народах дало бы аборигенам Дальнего Востока возможность опираться на международные нормы при защите своих интересов.

-
- ¹ Сем Ю.А. Проблемы истории южной части русского ДВ. XVII в. — 1917 г. АДД. Владивосток, 1989. С. 16.
  - ² Там же. С. 17.
  - ³ Там же. С. 18—19.
  - ⁴ Там же. С. 22.
  - ⁵ Сасаки С. Сантан коэки — торговля народов Нижнего Амура и Сахалина в XVIII и XIX вв. // Пилсудский — исследователь народов Сахалина. Южно-Сахалинск, 1991. С. 119—127.
  - ⁶ Новомбергский Н. Остров Сахалин. СПб., 1903. С. 162.
  - ⁷ Отаина Г.А. Русские исследователи в защиту аборигенов // Междунар. науч. конф. «Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII—XX вв. (К 250-летию начала похода В.Д. Пояркова на Амур)». Тезисы докладов и сообщ. Владивосток, 1993. С. 163—166.
  - ⁸ Севильгаев Г.Ф. Очерки по истории просвещения малых народов ДВ. Л.: Просвещение, 1972. С. 109.
  - ⁹ Социалистическое строительство у народностей Северной Сибири и ДВ // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 547.
  - ¹⁰ Там же. С. 548.
  - ¹¹ Балицкий В.Г. Великий Октябрь в судьбах малых народов дальневосточного Севера СССР. Владивосток: изд-во ДВГУ, 1984. С. 24—25.
  - ¹² Социалистическое строительство. С. 551.
  - ¹³ Там же. С. 552.
  - ¹⁴ Там же. С. 553.
  - ¹⁵ Народы ДВ СССР в XVII—XX вв. Историко-этнографические очерки. М., 1985. С. 167.
  - ¹⁶ Севильгаев Г.Ф. Указ. соч. С. 215.
  - ¹⁷ Там же. С. 186.
  - ¹⁸ Там же. С. 208.
  - ¹⁹ Там же. С. 207.
  - ²⁰ Балицкий В.Г. Указ. соч. С. 252—253.
  - ²¹ См. обзор литературы по хронологизации истории народностей Севера в указ. соч. Балицкого. С. 24—29.
  - ²² Ленинское знамя. 1991. 19 января. 1991 г.
  - ²³ Старцев А.Ф. Плечом к плечу // Ленинец. 1989. 23 февраля.
  - ²⁴ Балицкий В.Г., Кисличко А.С. Малые народы ДВ в Великой Отечественной войне. Владивосток, 1985.
  - ²⁵ Балицкий В.Г., Кисличко А.С. Указ. соч.
  - ²⁶ Росугбу Б.М. Малые народности Приамурья в 1959—1965 гг. Хабаровск, 1976. С. 106.
  - ²⁷ Росугбу Б.М. Указ. соч. С. 211.
  - ²⁸ Грант Брюс. Оглянемся на Гренландию? // Сибирская газета. 1990. № 29. 23—29 июля. С. 11.